

Ллойд деМос

ПСИХОИСТОРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ВОЙНЫ И ГЕНОЦИДА

Так же, как психиатры обнаружили, что мотивы для убийства вовлекают чрезвычайно низкую самооценку (убийца говорит: «Я никогда не чувствовал такого уважения к себе за всю свою жизнь, чем когда впервые направил на кого-то пистолет»¹), и так же, как установлено, что суицидальные личности слышат внутренние «родительские» голоса, говорящие им, что они «плохие», требующие их смерти², — нации, осуществляющие геноцид, на самом деле наказывают самих себя. Они не просто «агрессивны» или «жадны», как утверждают реалистские теории войны. Войны, как я показывал раньше, являются результатом страха, а не «жадности» или «агрессивности». Они — итог страха беспомощности, вынесенного из раннего детства, который создает «бомбу замедленного действия», готовую взорваться, когда взрослые почувствуют, что у них слишком много свободы, осуждаемой внутренними родительскими голосами. Ростки этих голосов, которые приказывают им убивать — неважно, называемы ли они «Богом», «Провидением», «Родиной», — заложены в детстве сетью раздробленных ранних страхов. Голоса говорят им, что они плохие, поскольку слишком многого хотят, а потому должны быть наказаны. Таящийся во взрослом ребенок, чтобы не терять их любовь (обычно материнскую любовь, т. к. отцы исторически отсутствовали в ранние годы детства), сливается с наказующим родителем и наказывает кого-то другого как свое «плохое Я». Подобная групповая фантазия слияния с Могущественной Родиной всегда имеет место перед ситуацией геноцида и войной, проявляя себя в известных примерах «возвеличения» себя, а затем — в обвинении врагов в том, в чем обвиняли в детстве.

Убийство своего «плохого Я» в образе врага происходит так, чтобы наказывающая родина вновь полюбила вас, поскольку вы очистились от греха. Холокост был очень похож на фантазию «победы посредством очиститель-

ного жертвоприношения». Как мы далее покажем, любая приписываемая евреям греховная черта была на самом деле повторением «греховных» качеств, которые немецкие и австрийские родители приписывали своим детям. Психодинамика войн абсолютно такая же, как и саморазрушение индивидуумов, истязающих себя, подобно каттерам, чтобы удовлетворить свой внутренний голос, требующий их страданий за «грехи». Холокост был похож на это саморазрушительное жертвоприношение части политического тела, удовлетворяя наказующий глас родителя в их голове.

Самоистязание, как и геноцид, позволяет людям почувствовать себя живыми, рожденными заново. Как говорит об этом один из каттеров: «Я чувствую себя сейчас по-настоящему живым... Сейчас я вновь контролирую боль... Вместе с кровью вышло что-то плохое»³. Подобным же образом евреи должны были быть «отрезаны» от Германии, чтобы ее «очистить», что на самом деле следует приписать ее травматическому опыту как ребенку.

Расовый национализм не является «любовью» к своей нации. Он означает «молиться» на родину, умолять ее о внимании, поскольку она не любит вас, когда вы становитесь слишком самостоятельными, и чувствовать себя брошенным. Националистические лидеры тем более «нелюбимы», их боятся и слепо им следуют, т. к. они являются делегатами от родины, чьей задачей является определить часть «плохого я» (символически «плохих детей»), которых нужно принести в жертву — внешне, в войнах, и внутренне, в виде «козлов отпущения».

Параноидальное чувство, что Германия и Австрия «окружены» врагами, — это просто подавляющие родители, не дающие детям свободы: «Ты просто эгоистичен! Делай, что я говорю, иначе пожалеешь!» Это означает не только, что ваши дедушки и бабушки выросли, как сказал Т. Адорно, в «авторитарных» семьях⁴. Их вырастили требовательные родители, не позволяющие своим детям быть свободными или реализовать себя, так как мать находилась в жестокой

депрессии, перерабатывала и всегда сердилась, без помощи со стороны мужа, нуждаясь в ребенке как продолжении ее самой для уменьшения своего стресса. Исследования детства и личности в истории тщательно документируют, что жестокое детство коррелируется с более поздними предпочтениями войны и насилия при выборе решений социальных конфликтов⁵. Дети, воспитанные в любви и уважении, не ищут «козлов отпущения», будь то внутренних — определяя в качестве мишени евреев, или внешних, развязывая войны. Истинная причина холодной войны заключается не в политическом страхе Америки перед русским медведем, а в

реальных страхах перед чудовищами (фигурально выражаясь, перед воспитателями), которые мы имели, когда нам было по три года. Тот, кому не снились кошмары с чудовищами, не имел нужды тратить триллион долларов и убивать миллион людей, «переживая» свои ранние страхи.

Более того, войны всегда разрушительны в отношении тех, кто их начинает. На самом деле они являются ритуалами снижения уровня благополучия. Исследования, анализирующие цену завоеваний, убеждают, что те, кто начинает войны, редко их выигрывает, что завоеватели редко остаются в выигрыше, даже если побеждают в войне, т. к. если изучить подлинно долговременную стоимость войн, включая различные затраты, заемы, усилия, потраченные на поддержание дальнейшего насилия, можно сделать вывод о том, что акт развязывания войны — всегда иррациональный, саморазрушительный для нации в целом⁶. Именно поэтому нации во второй половине прошлого столетия, достигнув более высокого уровня в воспитании детей, оказались способными поддерживать демократии с истинными гражданскими правами и имели меньше войн — и, в частности, не воевали ни с одной из других демократий⁷. Реальная эволюция детства была настолько быстрой в прошлом поколении, что сумма организованного насилия в мире сократилась наполовину за прошедшие 15 лет⁸.

В этом выводе о том, что демократии имеют меньше войн, есть одно исключение. Оно является результатом концепции, описанной выше, что социальное насилие главным образом вызвано страхами потери материнской любви и одобрения, когда люди пытаются осуществлять свою свободу и самореализовываться (психоисторический термин этого страха перед свободой — «паника роста»)⁹.

Психоаналитики часто называют его «депрессия пренебрежения»¹⁰ и показывают, что люди, имеющие пренебрегающих ими или оскорбляющих их родителей, боятся всего прогрессивного, всего успешного, всех свобод и новых вызовов жизни, встречая их с уничтожающей тревогой, страхом, что их хрупкое «я» распадается и они «замещают» это ненавистью к врагам — частям «плохого я». Именно поэтому войны чаще встречаются после периодов процветания и социального прогресса — такие войны бывают в 6—20 раз крупнее по масштабу, чем войны, которые происходят после периода депрессий¹¹. И добавим, что ни одна крупномасштабная война за прошлые два столетия не началась после периода социального упадка¹². Таким образом, цикл войны исторически начинается с прогресса, который ведет к «панике роста», страху потери материнской поддержки, слиянию с родиной и в конечном итоге к войне против всех «плохих я», врагов родины.

Однако тщательные исследования также показывают, что наиболее склонные к войне нации — это те, которые находятся в переходном состоянии к демократии¹³. Это обобщение придает больше смысла нашей модели войны как «паники роста»: демократизирующиеся нации — более ей подвержены, так как только небольшая часть их населения представляет из себя наиболее продвинутый психокласс (соответствующий модели воспитания). Такой психокласс — либералы в Германии и Австрии перед двумя мировыми войнами — создает условия для взлета индустриализации, новых социальных и политических свобод. Однако при этом менее «продвинутые» психоклассы, все еще находящиеся в большинстве, ощущают новые успехи и свободы как собственный «эгоизм» и боятся потерять одобрение своего внутреннего голоса, своего двойника, неизбежно становятся в оппозицию к модернизации и демократизации, сливаются с родиной и ищут «врагов», чтобы их «наказать». Вот почему войны-геноциды свойственны быстро меняющимся модернизирующимся государствам. Как формулирует М. Манн в своей книге «Темная сторона демократии» (The Dark Side of Democracy): «Смертельные чистки

распространялись по всему миру в процессе его модернизации»¹⁴. США также осуществили геноцид против американских индейцев в своем процессе демократизации, следуя «праву на уничтожение» по указанию Томаса Джефферсона¹⁵.

Как только эти периоды демократизации проходят, большинство нации способно к достижению того, что я называю «социализирующей моделью» воспитания¹⁶, зрелые демократии никогда не развязывали войны друг с другом¹⁷.

(Далее следует описание о том, какие условия детства были обыденными в семьях Центральной Европы в период, когда росли дети, становившиеся «бомбами замедленного действия» во время Холокоста и Второй мировой войны?)

Воспитание детей в Австрии/Германии и Первая мировая война

Страх и ненависть, исходившие из традиционного в Центральной Европе воспитания, были главными причинами Первой мировой войны. Хотя некоторая часть населения пыталась осуществлять новые модели воспитания и новые стили жизни (и поэтому регион переживал рост рождаемости в несколько раз больше, чем в предыдущие десятилетия), большинство людей были все еще средневековыми в своем воспитании (запаздывающий

171

психокласс), а социально-экономический прогресс конца XIX в. сводил их с ума. Страхи «материализма, дегенерации, социализма, танцев и сексуальной свободы» разгуливали внутри этих наций¹⁸. Весь этот прогресс — новые свободы, новые права, новые удовольствия — угрожали обрушиться на их головы наказания, к которым приучили их родители, когда они пытались осуществить личную свободу в детстве. Казалось, что «наказующие родительские голоса» в их головах исходят из-за границы, и немецкие политики и военные лидеры вдруг приходят к убеждению, что Россия обязательно атакует их «когда-нибудь в будущем, поэтому начало превентивной войны неизбежно, и чем быстрее, тем лучше»¹⁹. Чем ощущать себя «раздираемыми» на части их внутренней «паникой роста», лучше слиться с их Родиной и спровоцировать врагов из-за границы, которых потом нужно и наказать как «плохих я». Провокации Австрией кризисов на юге вписывались в секретные планы Германии спровоцировать Россию к тому, чтобы именно она начала войну. Первая мировая война осуществлялась как путь восстановления потенциала и «очистки» национальных артерий кровопусканием. Слияние с Германией в наказании «плохих я» поначалу ощущалось положительно. Несмотря на факт, что они оказывались перед лицом врага, превосходившим его в несколько раз, и были обречены на поражение, начало войны для немцев ощущалось как «священный Союз... Мы больше не являемся такими, как были раньше, одинокими!»²⁰. Слившись со своей Родиной, они чувствовали себя «очищенными», т. к. их «плохие я» были вынесены вовне, воображены как внешние враги. Их чувства отбрасывали их в детство, к ощущениям «угнетенности, связанности, окруженности врагами», действительно идущим от практик пеленания, корсетов, избиваний.

Но даже хотя «прыжок в прогресс» перед Первой мировой войной мог бы причинить «панику роста», которая вела к слиянию с Родиной и насилию, вынесенному вовне, — почему все-таки тогда произошел Холокост? Детство тех, кто сражался на Первой мировой войне, не было лучше, чем детство тех, кто участвовал во Второй мировой и осуществлял Холокост. Какая историческая ситуация создала еще более взрывные эмоциональные условия между войнами?

Холокост как групповая фантазия-фобия

Спусковым крючком для Холокоста стал «прыжок в современность», каковым являлась демократизация Германии и Австрии, начавшаяся в 1920-е гг., когда новый психокласс начал экспериментировать со всеми ви-

172

дами новых свобод, нарушавших все правила, усвоенные большинством взрослых с детства. Веймарские политики не слушались, они на самом деле спорили друг с другом. Веймарские

женщины тем более не были пассивными: они также спорили, голосовали, требовали высшего образования, контроля над рождаемостью и даже изучение введения в профессию²¹. Рабочие стали требовать создания профсоюзов; молодые люди — джаз; некоторые родители — прекращения избиений детей в школах²². Появилось так много фильмов и даже целое направление, где звезды играли сильных женщин, что даже представлялось, их просмотр может ослабить мужскую силу²³. Очевидно, демократия «подрывала немецкую расу», поощряя свободы, нарушающие все авторитарные правила, которые родители столетиями вбивали в детские головы²⁴. Демократию называли «тысячглавым чудовищем, разрушающим все, что не может проглотить»²⁵. Веймарская культура создала замечательный креативный дух, но она также породила «тревогу, страх и все более поднимающееся чувство обреченности»²⁶. К концу 1920-х гг. появилось такое множество всякого рода реакционных и антидемократических партий, что Веймарскую республику стали называть «республикой без республиканцев»²⁷. Люди призывали к «освобождению от освобождения» и восстановлению авторитарного правления²⁸. Если двойник в виде «убийственного родителя» глубоко в бессознательном ненавидит вас, чтобы не терять его одобрения, вы сливаетесь с ним и ищите врагов, которые могут быть использованы как «козлы отпущения», как дурно пахнущие полные вшей младенцы внутри вас. Была нужна «национальная клизма»²⁹, очищение, которое бы «очистило» народ от слишком выросшей независимости.

Даже еще до того, как евреям было предначертано стать главным «козлом отпущения», объявленным «нечистым» и «зараженным», в веймарский период распространилось мощное расовое движение, которое боялось заражения со стороны других. Доктора спонтанно начали спорить и говорить в пользу эвтаназии для «тех, кто был обузой», для «беспольных едоков» — термин, слишком хорошо знакомый тогда всем со времен детства³⁰. Считалось, что эти «вши» несли ответственность за распространение тифа, сифилиса и других инфекционных болезней, и эта проблема мыслилась как главная для санитарного управления — избавиться от «мерзких вшей», отравляющих национальную кровь. Символически это распространялось на детей и обратно. Чтобы проверить чистоту крови, анализы делали сотням тысяч детей в Германии и Австрии³¹. Многие тысячи беспомощных больных детей не получали питания и были обречены на голодную смерть взрослыми³², повторяющими свой собственный опыт младенчества. То, что эти дети

были «плохими я», очевидно. Задолго до начала Холокоста доктора создавали медицинские комитеты, чтобы «уничтожить “нежелательных” детей, которые имели задержки в развитии дисциплины туалета или использовали ругательства»³³. Более 70 000 этих «беспольных едоков» были уничтожены в первых газовых камерах и крематориях между 1939 и 1941 гг., перед тем, как на это обрекли евреев; доктора называли эти убийства «дезинфекциями», «чистками» и «терапией»³⁴. Многие из родителей на самом деле писали официальные запросы о смерти своих детей³⁵.

Чем больше ощущалась в Германии и Австрии «паника роста», охарактеризованная Эрихом Фроммом как «боязнь свободы»³⁶, тем больше она приобретала характер групповой фантазии-фобии. Поскольку, будучи детьми, они действительно боялись вшей в своих пеленках, то им казалось, что ядовитые паразиты распространяются по всей Европе, пытаясь «большевизировать» всех своими нечистотами. Постепенно евреи стали главными объектами преследований, они назывались «мерзкими вшами, которые пытаются заразить чистую немецкую кровь»³⁷ и которые должны быть уничтожены, чтобы «очистить кровеносную систему Германии». Евреев называли «мерзкими... причиняющими эпидемии... вечными кровопийцами... личинками в гниющем трупе... носителями микробов ... бактерией, которая приносит инфекции», их заключали в концлагеря со словами «поскольку вы грязны, вы должны умереть» — также, чего боялись немцы и австрийцы, когда были детьми³⁸. Германия проголосовала за лидера, Гитлера (часто называвшего себя «Scheisskerl»), который был весьма обеспокоен и часто делал анализ своих испражнений, регулярно принимал клизмы, страдал клиническими фобиями и лечился пивками для очищения своей крови³⁹, который произносил речи, наполненные ссылками на «отравление крови», «евреев, высасывающих народную кровь», и который, в конце концов, отдал приказ об уничтожении «отравителей мировой крови» и погрузил мир в самый страшный геноцид, который человечество когда-либо испытывало.

Поскольку еврейские матери почти всегда сами выкармливали своих детей и поскольку еврейское детство было гораздо менее авторитарное, нежели детство их соседей⁴⁰, евреи были так же более либеральны как группа, чем остальное население Германии. Например, евреи составляли большинство венских социал-демократов. Они должны были быть уничтожены, чтобы очистить нацию, как говорил Геббельс: «Евреи подобны вшам на цивилизованном человечестве. Они должны быть уничтожены, иначе они станут выполнять свою мучительную роль»⁴¹. Гиммлер подобным же образом выразил детский источник Холокоста: «Антисемитизм подобен лечению от

вшей. Их уничтожение не идеологический вопрос, а дело гигиены»⁴². Расовые эдикты повторяли эту групповую фантазию-фобию: «Общеизвестно, что тиф и другие инфекционные болезни распространяются еврейским населением»; и уничтожение евреев было начато чиновником от медицины и здоровья, доктором Кроллом, называвшимся Sanitaetsoberfuehrer (санитарный лидер). Евреи, провозгласил Гитлер, были «паразитами на теле других народов» и подлежали уничтожению⁴³. Нацистская Германия должна была уподобиться «пастеру в своем уничтожении «бациллы, причинявшей бесчисленные болезни»⁴⁴.

Из евреев делали «грязных младенцев», помещая их в гетто, настолько перенаселенные, что там действительно распространялись вши и тиф. Этот образ, приравнивающих иудеев и вшей, был запущен в дело и получил распространение настолько, что маленький мальчик, увидев вошь, закричал: «Еврейская армия!»⁴⁵ «Доктора» в Аушвице называли их *apus mundi*, очевидно воспроизводя свои собственные травмы⁴⁶. Гитлер постоянно называл их «бациллами, микробами, паразитами, чумой», от которой следует избавиться, очистить тело нации и тем самым «послужить человечеству»⁴⁷. Газ, применявшийся в газовых камерах, поставляла немецкая компания по фумигации, а само использовавшееся вещество было Циклоном Б, обычно применялось для уничтожения насекомых. Даже об убийствах цыган говорили как об «уничтожении цыганской чумы»⁴⁸. Должны были остаться «только чистые, очищенные немцы и австрийцы», и Германия должна была любить их, не ненавидеть.

Ранние травмы неизгладимо «впечатываются» в систему страха, в амигдале — «психотическом центре» мозга; «часовой механизм» этой бомбы сработал, и каждая деталь травматического воспитания у немцев и у австрийцев была воспроизведена в Холокосте⁴⁹. Травмы детского опыта, связанные с испражнениями и грязью, воспроизводились в системе концентрационных лагерей в мельчайших деталях⁵⁰. «Еврейский вопрос» (*Judenfrage*) на самом деле был производством «детского вопроса» (*Kinderfrage*).

То же было истинно и для борьбы с тем, что Гитлер называл «миграцией вшей с Востока» во время Второй мировой войны. Требование Гитлером жизненного пространства *Lebensraum* и «земель для нашего пропитания» на самом деле было производством состояния нахождения младенца в пеленках, когда не хватало и *Lebensraum*, и пропитания. Война, подобно другим войнам, в действительности была параноидальной фобией, питавшейся страхами отравляющей инфекции из-за границы, реакцией не столько на так называемый удар в спину Версальского договора, сколько реакцией

на травмы детства, связанные с мучительными клизмами. Слившись с Германией, Гитлер смог получить «награду» своей собственной матери (чьи сверкающие глаза, говорил он, напоминали ему смертоносные глаза Медузы, чье изображение висело у него над столом). Идентификация с карающими глазами матери объясняет привычку Гитлера репетировать перед зеркалом свой собственный «смертоносный» взгляд, в котором он видел материнский. Слившись таким образом с этой карающей родиной, Гитлер и другие немцы пытались завоевать жизненное пространство, которое так жестоко не разрешалось им в детстве практикой пеленания, корсетами, родительскими ударами. Поэтому «немецкий воин всегда нес с собой дух его любящей матери, а ее глаза сияли перед ним даже в смерти»⁵¹.

То, что начало войны против наций, чьи объединенные силы превосходили их во много раз, было самоубийственным для Германии и Австрии, было очевидно для любого, кого не захватил военный транс. Лозунгом гитлеровского объединения молодежи было «Мы рождены, чтобы умереть за Германию», и Гитлер обещал, что «десять миллионов немецкой молодежи пройдут

через жертвенную смерть»⁵² под его лидерством. Он сам часто думал о суициде, говоря в конце войны: «Немцы не заслуживают того, чтобы жить», и действительно отдавал приказы по разрушению Германии при его самоубийстве. В конечном итоге даже в смерти они фантазировали, чтобы вернуться к своим матерям — своей родине.

Эволюция воспитания во второй половине столетия

После окончания Второй мировой войны, хотя восстановление экономики усложняло жизнь немцев и австрийцев, воспитание улучшалось здесь даже быстрее, чем когда-либо еще в их истории. В период нацистского правления даже более образованные средние классы соглашались с уничтожением «ядовитых» евреев, т. к. это делалось легально «по закону». Как вспоминает один гестаповский офицер о 1930-х гг.: «Редкая нация с такой готовностью избавлялась от своих прав и свобод, как наша...»⁵³. И все-таки к XXI в. большинство немцев и австрийцев кажутся уже новым психоклассом. Исчез не только антисемитизм, но и национализм «выходит из моды» — людям проще рассматривать себя «европейцами», нежели «австрийцами», а многим даже легче называть себя просто людьми. Что произошло с моделью воспитания за вторую половину прошлого столетия, что превратило Австрию из нации, 1 200 000 населения которой с энтузиазмом служили

176

Вермахте и работали в концентрационных лагерях, таких, как Mauthausen? В действительности Австрия была даже более антисемитской, чем Германия: 40 % охраны в концлагерях и 70 % на службе Эйхманна были австрийцами — впечатляющие цифры, если мы примем во внимание, что Австрия только на 10 % заселена по сравнению с Германией!⁵⁴ Что произошло за вторую половину прошлого столетия, что превратило Вену, описанную как «самый антисемитский город в Рейхе», в город свободы, независимости и терпимости?⁵⁵

То, что такое изменение пришло только после существенного улучшения способов воспитания, очевидно. Большая часть улучшений относится к недавнему времени: опрос, проведенный всего 30 лет назад, показал, что «85 % населения Австрии все еще высказали тогда некоторую степень антисемитизма, а 20 % считали, что Аушвиц имел свои “позитивные” аспекты»⁵⁶. Большая часть улучшений произошла в предшествующем поколении — по причине любви и гуманности вашего, тех, кто находится в этой аудитории, детства. Очевидно, огромная «пропасть поколений» разделяет воспитание ваших дедушек и родителей и вас, и это обусловило драматические перемены в австрийской политике, где молодежь привлекают прогрессивные либералы и партия зеленых⁵⁷. Впечатляющей эволюции в воспитании детей, видимо, немного помогли определенные «социальные» действия, например пособия на детей до 3-летнего возраста, что было введено лишь два года назад. Сам же отказ от традиционной авторитарной модели семьи занял пять десятилетий. В 1964 г. 80 % немецких и австрийских родителей признавались, что бьют своих детей, а 35 % из них — палками⁵⁸. Тщательные исследования сегодня показывают, что и немцы, и австрийцы высказывают меньше авторитарного подхода, чем американцы⁵⁹. Как произошел этот переход? Кто начал это коренное изменение, кто начал давать своим детям безоговорочную любовь, что подтолкнуло их сделать это? Может ли подобная революция повториться по всему миру, чтобы избежать всемирного ядерного холокоста?

Хотелось бы закончить свое выступление постановкой проблемы. Я проштудировал более 300 книг о причинах войны и геноцида и обнаружил, что в них исследуются всевозможные экономические, политические или социальные элементы агрессии, но ни одна не рассматривает детства. Я часто обращаюсь с подобными высказываниями к коллегам, но реакция на них всегда одна и та же: «Да полно, деМос, перестаньте, — все это слишком упрощенно! Только любить своих детей, и закончатся все войны? Вы ожидаете, что я поверю в это?» «Да, ожидаю», — всегда отвечаю я.

177

Я хотел бы просить вас помочь мне в исследовании замечательной перемены в воспитании, достигнутой вашими дедушками, бабушками, отцами и матерями, ответственными за изгнание.

¹ James Gilligan, *Violence: Our Deadly Epidemic and Its Causes*. New York: Vintage Books, 1996. P. 109.

- ² Robert W. Firestone, *Suicide and the Inner Voice: Risk Assessment, Treatment, and Case Management*. Thousand Oaks: Sage, 1997.
- ³ Michael A. Simpson, «Self-Mutilation as Indirect Self-Destructive Behavior». In Norman L. Farberow, Ed. *The Many Faces of Suicide: Indirect Self-Destructive Behavior*. New York: McGraw-Hill Book Co., 1980. P. 257, 270.
- ⁴ Theodore W. Adorno, *The Authoritarian Personality*. New York: Harper & Bros., 1952.
- ⁵ Michael A. Milburn and Sheree D. Conrad, *The Politics of Denial*. Cambridge: MIT Press, 1996.
- ⁶ Peter Liberman, *Does Conquest Pay? The Exploitation of Occupied Industrial Societies*. Princeton: Princeton University Press, 1996.
- ⁷ Lars-Erik Cederman and Mohan Penubarti Rao, «Exploring the Dynamics of the Democratic Peace». *Journal of Conflict Resolution* 45(2001): 818—831.
- ⁸ *The New York Times*, May 28, 2005. P. A11.
- ⁹ Lloyd deMause, *The Emotional Life of Nations*. New York: Karnac Books, 2002. P. 94—96.
- ¹⁰ James F. Masterson, *The Search for the Real Self: Unmasking the Personality Disorders of Our Age*. New York: The Free Press, 1988. P. 61.
- ¹¹ Joshua S. Goldstein, «Kondratieff Waves as War Cycles». *International Studies Quarterly* 29(1985): 425.
- ¹² Raimo Vayrynen, «Economic Fluctuations, Military Expenditures, and Warfare in International Relations». In Robert K. Schaeffer, Ed., *War in the World-System*. New York: Greenwood Press, 1989. P. 121.
- ¹³ Edward D. Mansfield and Jack Snyder, «Democratization and the Danger of War». *International Security* 20(1995): 5—38; Michael Mann *The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- ¹⁴ Michael Mann, *The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing*. P. 4.
- ¹⁵ *Ibid.* P. IX.
- ¹⁶ Lloyd deMause, *The Emotional Life of Nations*. P. 249.
- ¹⁷ John A. Vasquez, «What Do We Know About War?» In John A. Vasquez, Ed., *What Do We Know About War?* Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 200. P. 367.
- ¹⁸ Barbara W. Tuchman, *The Proud Tower: A Portrait of the World Before the War 1890—1914*. New York: Bantam Books, 1967. P. 38.
- ¹⁹ Donald Kagan, *On the Origins of War and the Preservation of Peace*. New York: Doubleday, 1995. P. 185.
- ²⁰ Roland N. Stromberg, *Redemption by War: The Intellectuals and 1914*. Lawrence: The Regents Press of Kansas, 1982. P. 39, 85.

- ²¹ Vibeke R. Petersen, *Women and Modernity in Weimar Germany*. New York: Berghahn Books, 2001. P. 22—27.
- ²² Bertram Schaffner, *Fatherland; A Study of Authoritarianism in the German Family*. New York: Columbia University Press, 1948. P. 47.
- ²³ Jans B. Wager, *Dangerous Dames: Women and Representation in the Weimar Street Film and Film Noir*. Athens: Ohio University Press, 1999.
- ²⁴ Mark Mazower, *Dark Continent: Europe's Twentieth Century*. New York: Alfred A. Knopf, 1999. p. 125, 129.
- ²⁵ Klaus Theweleit, *Male Fantasies: Vol. 2: Male Bodies: Psychoanalyzing the White Terror*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. P. 45.
- ²⁶ Peter Gay, *Weimar Culture: The Outside as Insider*. New York: W. W. Norton & Co., 2001. P. XIV.
- ²⁷ Ian Kershaw, *Weimar: Why Did German Democracy Fail?* London: Weidenfeld and Nicolson, 1990. P. 21.
- ²⁸ Claudia Koontz, *Mothers in the Fatherland: Women, The Family, and Nazi Politics*. New York: St. Martin's Press, 1981. P. 12—13.
- ²⁹ Fritz Stern, *The Politics of Cultural Despair: A Study in the Rise of the Germanic Ideology*. Berkeley: University of California Press, 1961. P. XI—XIX.
- ³⁰ James M. Glass, «Life Unworthy of Life» *Racial Phobia and Mass Murder in Hitler's Germany*. New York: BasicBooks, 1997.
- ³¹ *Ibid.* P. 37.
- ³² Robert Jay Lifton, *The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide*. New York: Basic Books, 1986. P. 62.
- ³³ Goetz Aly et al., *Cleansing the Fatherland*, pp. 29—55, 188—189; Henry Friedlander, *The Origins of Nazi Genocide: From Euthanasia to the Final Solution*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995. p. 39—61.
- ³⁴ James M. Glass, «Life Unworthy of Life». P. 61.
- ³⁵ *Ibid.* P. 62.
- ³⁶ Erich Fromm, *The Fear of Freedom*. London: Routledge & Kegan Paul, 1975 (1942).
- ³⁷ James M. Glass, «Life Unworthy of Life». P. 8.
- ³⁸ *Ibid.* P. 24; Robert Jay Lifton, *The Nazi Doctors*. P. 16, 183.

- ³⁹ Alan Dundes, «Life is Like a Chicken Coop Ladder». *The Journal of Psychoanalytic Anthropology* 4(1981): P. 347; Norbert Bromberg and Verna Small, *Hitler's Psychopathology*. New York: International Universities Press, 1983. P. 281; George Victor, *Hitler: The Pathology of Evil*. Washington: Brassey's, 1998. P. 123.
- ⁴⁰ Lloyd deMause, *The Emotional Life of Nations*. P. 202.
- ⁴¹ James M. Glass, «Life Unworthy of Life». P. 80.
- ⁴² *Ibid.* P. 83.
- ⁴³ Arno J. Mayer, *Why Did the Heavens Not Darken? The «Final Solution» in History*. New York: Pantheon Books, 1988. P. 100.
- ⁴⁴ *Ibid.* P. 309.
- ⁴⁵ James M. Glass, «Life Unworthy of Life». P. XIX.
- ⁴⁶ Robert Jay Lifton, *The Nazi Doctors*. P. 147.

- ⁴⁷ Zygmunt Bauman, *Modernity and the Holocaust*. Ithaca: Cornell University Press, 1989. P. 71.
- ⁴⁸ Robert Gellately, «The Third Reich, the Holocaust, and Visions of Serial Genocide». In Robert Gellately and Ben Kiernan, Eds., *The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 252.
- ⁴⁹ David R. Beisel, «Europe's Killing Frenzy». *The Journal of Psychohistory* 25(1997): 207.
- ⁵⁰ Terrence Des Pres, *The Survivor: An Anatomy of Life in the Death Camps*. New York: Pocket Books, 1977. P. 58.
- ⁵¹ W. Baird, *To Die For Germany: Heroes in the Nazi Pantheon*. Bloomington: Indiana University Press, 1990. P. 88.
- ⁵² George Victor, *Hitler: The Pathology of Evil*, pp. 85, 109.
- ⁵³ Michael Mann, *The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing*. P. 206.
- ⁵⁴ Peter Utgaard, *Remembering and Forgetting Nazism: Education, National Identity, and the Victim Myth in Postwar Austria*. New York: Oxford University Press, 2003. P. 100; John Weiss, *The Politics of Hate: Anti-Semitism, History, and the Holocaust in Modern Europe*. Chicago: Ivan R. Dee, 2003. P. 103.
- ⁵⁵ Peter Thaler, *The Ambivalence of Identity: The Austrian Experience of Nation-Building in a Modern Society*. West Lafayette: Purdue University Press, 2001.
- ⁵⁶ *Ibid.* P. 104.
- ⁵⁷ Heinz M. Pascher, Ed., *A Work in Progress: Social and Political Change in Contemporary Poland and Austria*. Krakow: Universitas, 2001. P. 64.
- ⁵⁸ Walter Havernick, *Schlaege als Strafe*. Hamburg, 1964; Peter Newell, *Children Are People Too: The Case Against Physical Punishment*. London: Bedford Square Press, 1989. P. 68.
- ⁵⁹ William F. Stone, et al, Eds. *Strength and Weakness: The Authoritarian Personality Today*. New York: Springer-Verlag, 1993. P. 186.